

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22120-30>

Исследовательская статья

Кокорина Юлия Георгиевна
д. филол. н., к.и.н., профессор
Московский политехнический университет, Москва, Россия
kokorina@inbox.ru

Вагабов Махач Мустафаевич
д.и.н., профессор
Московский политехнический университет, Москва, Россия
9162803@mail.ru

«КАВКАЗСКАЯ ПОЕЗДКА» АРХЕОЛОГА К.Н. ЛЮБАРСКОГО В 1915 г. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Аннотация. Данная статья носит источниковедческий характер. В ней вводится в научный оборот неизвестный ранее исторический источник – дневник поездки по Кавказу археологов С.О. Долгова и К.Н. Любарского в 1915 г. Дневник хранится в архиве К.Н. Любарского в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Ввод в научный оборот нового источника по истории археологии Кавказа позволит познакомить читателя с историей науки и осветить особенности личности малоизвестного исследователя края, заботившегося о сохранении его древностей. В этом видится актуальность данного исследования. Новизна его заключается в представлении не известных ранее материалов по истории археологии Кавказа. Историография деятельности К.Н. Любарского минимальна: имя этого труженика и романтика науки, погибшего в ходе Гражданской войны в России, практически неизвестно. Целью данной работы является знакомство российского научного сообщества с личностью и деятельностью оставшегося безвестным исследователя Кавказа. В результате анализа источника раскрывается исследование дольменов Западного Кавказа, горных крепостей и курганов с каменными ящиками. Значительное внимание в дневнике уделено раскопкам развалин крепости на реке Хоста. Дневник командировки рисует К.Н. Любарского как внимательного полевого исследователя, влюбленного в науку и тонко чувствующего природу Кавказа. Российский археолог работал в рамках существовавшей в его время методики, чувствуя ее недостатки. Он использовал передовые для того времени приемы фиксации памятников, заботился об их сохранности. Вводимый в научный оборот источник содержит опыт изучения древностей во время войны, представляет деятельность археологов России по сохранению ее древностей, который может оказаться полезным и в наши дни.

Ключевые слова: К.Н. Любарский; история археологии; археология Кавказа; дольмены; христианские храмы

Для цитирования: Кокорина Ю.Г., Вагабов М.М. «Кавказская поездка» археолога К.Н. Любарского в 1915 г. (по архивным материалам) // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 1. С. 20-30. doi.org/10.32653/CH22120-30

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH22120-30>

Research paper

Yuliya G. Kokorina
Dr. Phil. Sci., Cand. Hist. Sci., Prof.
Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia
kokorina@inbox.ru

Makhach M. Vagabov
Dr. Hist. Sci., Prof.
Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia
9162803@mail.ru

THE “CAUCASIAN TRIP” OF ARCHAEOLOGIST K.N. LYUBARSKY IN 1915 (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)

Abstract. This article serves as a source study, introducing a previously unknown historical document into scholarly circulation: the travel diary of archaeologists S.O. Dolgov and K.N. Lyubarsky during their 1915 expedition to the Caucasus. The diary is currently held in the K.N. Lyubarsky archive within the Department of Written Sources at the State Historical Museum. The relevance of this study lies in providing new insights into the history of Caucasian archaeology and shedding light on the personality of a lesser-known researcher dedicated to the preservation of regional antiquities. The novelty of the work is found in the presentation of these previously unpublished materials. The historiography of K.N. Lyubarsky’s career is minimal; a “romantic laborer” of science who perished during the Russian Civil War, his name remains largely unknown. The primary objective of this paper is to introduce the Russian scientific community to the life and work of this obscure researcher. Through an analysis of the source material, the article details investigations of Western Caucasian dolmens, mountain fortresses, and burial mounds containing stone cists. Significant attention is given to the excavation of fortress ruins on the Khosta River. The diary portrays Lyubarsky as a meticulous field researcher with a profound passion for science and a keen sensitivity to the Caucasian landscape. Although working within the methodological constraints of his era, Lyubarsky recognized their limitations, employing advanced recording techniques and prioritizing the conservation of monuments. This source documents the experience of studying antiquities during wartime – a testament to the efforts of Russian archaeologists to preserve cultural heritage that remains relevant today.

Keywords: K.N. Lyubarsky; history of archaeology; archaeology of the Caucasus; dolmens; churches

For citation: Kokorina Y.G., Vagabov M.M. “Caucasian trip” by archaeologist K.N. Lyubarsky in 1915 (based on archival materials). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 20-30. doi.org/10.32653/CH22120-30

Введение

История археологии привлекает все большее внимание российского научного сообщества. За последние десятилетия опубликован целый ряд работ, посвященных этой тематике [1–10]. Освоение архивных материалов стало новой чертой историко-научных исследований [5, с. 65]. Обращение к архивам позволяет по-новому взглянуть на историю археологической науки в России, познакомиться с неизвестными ранее исследователями отечественных древностей. К таким незаслуженно, на наш взгляд, забытым археологам относится Кассиан Николаевич Любарский (1886–1920), который по заданию Румянцевского музея в годы Первой мировой войны совершил археологическую поездку по западному побережью Кавказа и провел раскопки ряда памятников. Работа археолога во время военного конфликта имеет свои особенности. Общеизвестно высказывание, что «когда говорят пушки, музы молчат». В наши дни, во время локальных военных конфликтов, государствам все сложнее изыскивать средства на археологические исследования, и учет опыта Российской империи в организации археологических работ в военное время представляется актуальным.

В статье вводится в научный оборот не публиковавшийся ранее исторический источник: дневник поездки К.Н. Любарского, три части которого хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Д. 2, 3, 4). В работе использована обширная биография археолога, написанная, видимо, его тетей П.К. Любарской на основе личных воспоминаний и писем К.Н. Любарского, в том числе и с Кавказа. Сами письма в фонде отсутствуют (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Д. 1). В привлечении нового исторического материала видится новизна данной статьи.

Материалы и методы

Проводя археографическую критику источника, необходимо сказать о том, что представляют собой путевые дневники К.Н. Любарского. Это две тетради в жестком переплете на 140 листов, озаглавленные на титулах «Кавказская поездка летом 1915 г. 1 часть (и 2 часть. – прим авт.). Иллюстрированный фотографическими снимками и чертежами дневник поездки. К. Любарский. Оглавление в конце каждого тома»¹, а также отдельная тетрадь на 40 листов с надписью: «Записки. Кавказское побережье. 1915 г. К. Любарский. Г. Рязань, Владимирская ул. Собственный дом»². Две части дневников Кавказской поездки снабжены наклеенными на правые листы фотографиями археологических памятников, один раз – шитым чертежом фундамента церкви на миллиметровой бумаге, один раз – снятой на кальку схематической картой западного побережья Кавказа, и чертежами, выполненными чернилами в тексте. Как свидетельствует оглавление части 2 дневника, он включает 27 чертежей в тексте и 31 фотографию³. К большому сожалению, по независящим от авторов статьи причинам ни одна иллюстрация не может быть приведена нами в данной публикации.

Следует отметить, что Листы использования архивных материалов абсолютно чистые, т.е. этими архивными материалами никто ранее не пользовался, за исключением единицы хранения, содержащей биографический очерк археолога. Это свидетельствует о высокой степени новизны вводимых в научный оборот сведений, которые, как видится, с интересом будут встречены специалистами по археологии и истории Западного Кавказа.

Необходимо отметить, что дневники «Кавказской поездки» не являются «полевыми дневниками» в том смысле, в котором этот термин используют современные археологи. Данные о раскопках перемежаются в них с лирическими отступлениями – описаниями природы Кавказа, записями легенд о древних памятниках, характеристиками встреченных лиц. Мы вводим в научный оборот информацию о раскопках К.Н. Любарского, почерпнутую из его дневников и биографического очерка, в котором использованы письма археолога родным. Целью статьи является не только ввод в научный оборот

1 Любарский К.Н. Кавказская поездка летом 1915 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

2 Там же. Д. 4. Л. 2.

3 Там же. Д. 2. Л. 51.

нового источника, но и знакомство наших современников с практически неизвестной современному археологическому научному сообществу личностью российского археолога. Этим обусловлено обилие цитат из его дневников и основанной на личных документах и письмах, в том числе с Кавказа, биографии исследователя.

Биография К.Н. Любарского (рис. 1) малоизвестна. Она привлекла внимание М.П. Мироненко [11], но исследовательница в своей статье делает акцент на трагической судьбе археолога, погибшего в годы Гражданской войны в России, на его героических усилиях по спасению российских древностей от гибели и вывоза за границу. Поездка К.Н. Любарского по Кавказу в ее статье только упоминается [11, с. 187]. Трагической судьбе архангельских краеведов, в том числе и К.Н. Любарского, посвящена статья Ю.В. Дойкова [12]. Более ранние страницы биографии К.Н. Любарского в ней не рассматриваются. Таким образом, период деятельности ученого, связанный с изучением Кавказа, остается неисследованным.

Нами использован дескриптивный метод, позволяющий произвести описания археологических памятников Кавказа по дневникам ученого и его письмам, представить личность российского археолога, а также принцип объективности, который является ключевым в данном исследовании как в любой работе по истории науки [3, с. 65].

Биографическая справка о К.Н. Любарском

Мы считаем необходимым ознакомить читателя с биографическими сведениями о К.Н. Любарском в той мере, в которой они позволяют выявить его особенности как личности, как ученого, и подробно остановиться на материалах его «Кавказской поездки 1915 года».

Исследователь происходил из старинного рязанского дворянского рода Любарских. Его мать, Авдотья Семеновна Любарская, во время поездки в Париж вышла замуж за француза Юрия Агутена. Брак быстро распался и к тому же был признан недействительным в России, поэтому ребенок носил фамилию матери и отчество крестного⁴.

К.Н. Любарский закончил Московское реальное училище К.П. Вознесенского и юридический факультет Московского университета. Служил в Московском архиве Министерства юстиции. Известно, что он свободно владел французским языком. С самых ранних лет Кассиан Николаевич «проявлял большой интерес к предметам старины, которые не были в его глазах мертвыми, а говорили ему живым понятным для него языком и воскрешали минувшую эпоху»⁵. Дома много было артефактов XVIII и XIX столетий, книг и рисунков. Тетя его была ученицей известного ученого, профессора Федора Ивановича Буслаева (1818–1898), читавшего один семестр на курсах Герье лекции по искусству средних веков, начиная с христианской эры. К.Н. Любарский «был скор на помощь словом и делом. Легко дружил с лицами близкими ему по духу самого разнообразного положения

Рис. 1. К.Н. Любарский, 1913 г.

Fig. 1. K.N. Lyubarsky, 1913

⁴ По дороге к вершине. Биография К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 8.

и образования. Впоследствии у него были друзья и среди крестьян, и среди аристократии, и среди духовенства»⁶. Эта его черта проявится и во время его кавказской поездки, когда он будет легко находить общий язык с местными жителями – инженерами, геологами, студентами, охотниками, рабочими, получая от них информацию об археологических памятниках и помощь в раскопках. В 1908 г. он лично познакомился с председателем Московского Археологического общества графиней П.С. Уваровой (1840–1924), когда спасал от наводнения дом заседаний Общества на Берестневке⁷. Сотрудничал в Тульской палате древностей, обществе «Старая Москва», Рязанской губернской ученой архивной комиссии, в 1912–1916 гг. издал описания ризницы Рязанского архиерейского дома и Рязанского некрополя, собирал книги и предметы старины для устройства в собственном доме в Рязани музея. В 1913 г. в отпуск на свои средства совершил поездку по Туркестану, альбом фотографий археологических памятников которого, выполненных К.Н. Любарским и насчитывающий более 140 снимков, хранится в ГИМ⁸. В 1914 г. он был командирован на XVI Археологический Съезд в Пскове, не состоявшийся из-за начала войны. Летом 1915 г. К.Н. Любарский был командирован на Кавказ от Румянцевского музея. Вернувшись с Кавказа, принимал активное участие в деятельности благотворительных организаций, занимался подготовкой и отправкой транспортов Красного Креста.

В феврале 1916 г в качестве вольноопределяющегося он проходил военное обучение и был направлен на службу в Архангельское Главное артиллерийское управление в качестве уполномоченного по переотправке грузов. Последующие годы его жизни связаны с северным краем⁹.

Свободно владевший французским языком, К.Н. Любарский был прикомандирован к Французской военной миссии в Архангельске, но главной сферой его интересов было обустройство бедствующего музея местного края. Приход в сентябре 1918 г. «Временного правительства Северной области», а затем генерала Е.К. Миллера (январь 1919 г.) не оказали влияния на его деятельность. С мая 1918 г. К.Н. Любарский является действительным членом Губернского церковно-археологического комитета и Архангельского общества изучения Русского севера¹⁰. Он борется за создание музея, сохранение исторических ценностей, обращается к властям с неоднократными просьбами пресечь вывоз памятников за рубеж. С восстановлением Советской власти «в марте 1920 г. он был назначен заведующим секцией музеев и охраны памятников искусства и старины при Архангельском губернском отделе Наркомпроса. Казалось бы, теперь для него открылись все возможности для воплощения идеи, которой он отдал столько сил. Однако исторические события, развивавшиеся на Российском Севере, привели к совсем другому повороту его судьбы» [11, с. 192]. К.Н. Любарский был обвинен в том, что якобы летом 1918 г. при высадке союзников утопил в реке замки от орудий красноармейских частей, из-за чего они не могли отстреливаться, и выдал место затопления союзникам. Прямых доказательств вины К.Н. Любарского в этом не было, но по приговору суда Кассиан Николаевич был расстрелян 7 августа 1920 г. Автор хранящегося в архиве биографического очерка об археологе с горечью завершает текст словами: «При отъезде французы официально и настойчиво приглашали его во Францию на службу. Считая этот момент слишком важным для России и открывавшим такие широкие перспективы для его излюбленной деятельности, он не нашел возможности бросить Родину. Патриотический долг, по его мнению, требовал от всех усиленной и дружной работы во всех направлениях. Оказалось, что Родина в таких работах не нуждается»¹¹. Прошло более ста лет со дня гибели археолога, и мы вводим в научный оборот результаты трудов его молодости, когда он проводил исследования на Кавказе.

Исследования К.Н. Любарским археологических памятников Кавказа

Румянцевский музей, несмотря на тяжелые военные годы, стремился обеспечить максимальное содействие властей деятельности археологов, обеспечить наибольшую продуктивность командировок.

6 Там же. Л. 12.

7 Там же. Л. 13.

8 Там же. Л. 6.

9 Там же. Л. 16.

10 Там же. Л. 25.

11 Там же. Л. 96.

Архив К.Н. Любарского содержит документ на бланке Румянцевского музея: «Предъявитель сего хранитель Отделения Доисторических, христианских и русских древностей Императорского Московского и Румянцевского Музея Статский советник Семен Осипович Долгов с помощником своим Кассианом Николаевичем Любарским командирован музеем на летние месяцы сего 1915 года в Черноморскую, Кутаисскую и Батумскую губернии для производства раскопок, а также для объезда и осмотра снятия фотографий и обмеров с древних памятников этого края и для приобретения подходящих для Музея предметов древности, ввиду чего строительное управление имеет честь покорнейше просить Вас оказать всяческое содействие г. Долгову при исполнении им порученного ему дела»¹². Таким образом, командировка исследователей обеспечивалась официальным документом. С.О. Долгов в дневнике неоднократно упоминается под инициалами «С.О.», а завершается текст искренней благодарностью старшему коллеге¹³.

Дневник содержит рукописные записи чернилами в хронологическом порядке. Первая запись датируется 6 июня 1915 г.: «Сегодня вопрос о кавказской поездке принял вполне реальную форму – С.О. (Долгов. – прим. авт.) получил из казначейства 600 руб. по музейскому чеку»¹⁴. Но уже на стадии подготовки археологам пришлось преодолевать организационные и материальные трудности: «Карт достать невозможно. У Ильина посоветовали 3-хверстные выписывать из Тифлиса. Сапоги стоят 30 рублей. Фотографические принадлежности вздорожали втрое, да и достану ли все, что надо – не знаю»¹⁵. Это говорит о тщательной подготовке поездки, стремлении использовать новейшие технические приемы – картографирование и фотофиксацию, несмотря на возникающие трудности.

Исследователи основательно готовились к поездке. Они изучали специальную литературу по археологии западного побережья Черного моря, среди которой К.Н. Любарский отмечает «Материалы по археологии Кавказа», подготовленные Комиссией по изучению Кавказа Московского Археологического общества [13], труд П.С. Уваровой «Кавказ: путевые заметки» [14] и французского спелеолога Э.-А. Мартеля (É.A. Martel) «La Côte d'Azur russe (Riviera du Caucase) voyage en Russie méridionale, au Caucase occidental et en Transcaucasie» [15].

Началась Кавказская поездка с осмотра дольменов в районе г. Туапсе. Затем продолжилась обследованием горы Индюк, посещением окрестностей Сочи, горы Мамай и раскопками христианского храма у р. Хоста. На обратном пути археологи посетили Мариуполь, где К.Н. Любарский обратился к городскому руководству с заявлением, в котором требовал обеспечить охрану памятников археологии и, в частности, так называемых «каменных баб», но этот документ, показывающий внимание ученого к сохранению российских древностей, выходит за рамки нашего исследования.

На горе в районе г. Туапсе, как пишет К.Н. Любарский, «близ вершины, среди больших камней, разбросанных близко друг от друга, находится дольмен. Дольмен интересен как монолит, что очень редко. Отдельно обтесана лишь крыша. Толщина крыши 6 вершков, площадь 5 аршин 12 вершков на 4 аршина 8 вершков. Внутри 2 аршина 10 вершков на 2 аршина 7 вершков. Высота 2 аршина 6 вершков. Отверстие круглое. 8 вершков в диаметре. Внутренность ровно, издавна закопчена. Камни прекрасно пригнаны. Пробки не видать. <...> в стене дольмена выдолблено нечто вроде ниши, при чем в середине ее, ближе к нижнему краю, симметрично с входным отверстием оставлено возвышение, круглое, одинакового с отверстием диаметром»¹⁶. К.Н. Любарский обладал значительной эрудицией, был хорошо знаком с подобными памятниками. Это видно не только с замечания о редкости дольмена-монолита, но и записи в другой тетради: «Дольмены имеются, кроме Кавказа, в Тунисе, Португалии, Андалусии. Но отличительной особенностью кавказских является тот факт, что они высечены в монолите. Их очень много в северной половине побережья. <...> Он является, кажется, переходом от пещеры к саркофагу. И непременно требует металлических инструментов. Еще в результате влияния греков на дикарей железом на Кавказе появляется очень рано, ввиду близости Месопотамии, Ассирии и Халдеи. Интересный дольмен около Джубчи с полукруглой пристройкою»¹⁷. Современному археологу идея о происхождении дольменов покажется наивной, но широта кругозора российского археолога столетней давности говорит о знакомстве с находками в Европе.

12 Личные документы К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 100.

13 Любарский К.Н. Кавказская поездка летом 1915 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.

14 Там же. Л. 3.

15 Там же. Л. 3.

16 Там же. Л. 16–17.

17 Путевые записки Любарского К.Н. Кавказское побережье в 1915 году // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 4. Л. 22

К.Н. Любарский приводит фото и рисунки перекрытия дольмена недалеко от Богатырского аула. На рисунке дана ориентация по сторонам света и отображены с указанием расстояния «ямки диаметром 3–4 дюйма и глубиной около дюйма или немного больше. Ямки напоминают подобные же, на камнях, служившие для добывания огня»¹⁸. Дан не только грамотно выполненный чертеж, но и предпринята попытка интерпретации памятника.

В наши дни дольмены всесторонне исследуются, проложены туристические маршруты к ним, но, как пишет Ю.Ю. Пиотровский, в современной России сложились разные виды неоязыческих сект, члены которых нарушают культурный слой внутри и вокруг дольменов, повреждают памятники, требующие всесторонней охраны [16].

«Гора Индюк находится в 30 верстах от Туапсе. Три скалистые вершины: ближайшая к морю наибольшая – Индюк, меньшая – Индюшка, и далее маленькая – Индюшонок». К.Н. Любарский писал родным, что «поехали туда, потому что местный геолог рассказал нам о присутствии там дольменов, курганов и каких-то таинственных «сундуков». <...> Маленький дольмен находился, как и нижний, на каменной плите, под которой было на 2 с половиной аршина песку. Перед отверстием на $\frac{3}{4}$ аршина были заметны следы углей. К сожалению, чтобы иметь возможность раскопать могилу, предполагавшуюся под дольменом, владелец взорвал его, чем совершенно разрушил его. Склоны горы (до начала голых каменных скал) не слишком крутые и заросшие лесом. Содержат много могил, черкесских кладбищ, тесно сбитых друг к другу, небольших каменных куч и крупных курганов, обложенных огромными плитами. Мы видели их четыре»¹⁹.

В своем дневнике археолог дает тщательное описание изображения на надмогильной стеле и реконструирует технику выполнения: «На первой плите было изображение лошади, припавшей на правое колено, с головой, подогнутой к нему. Исполнено оно было острым орудием, которым были процарапаны в камне контуры»²⁰.

К.Н. Любарский с болью говорит о разграблении археологических памятников: «У нас составилось впечатление, что гора была предметом внимания многих поколений и народов. В первый же вечер мы убедились, что кладоискательство является всеобщей манией. Копают все. Всегда. Лишь найдут новый, ранее не виденный, курган»²¹. Слова, следует признать, звучат особенно актуально в наши дни.

Оба исследователя руководили раскопками двух курганов, как тогда было принято, «колодцем». В первом ничего не было найдено, во втором был обнаружен каменный ящик, который был «сложен следующим образом: восточная стенка, состоявшая из трех камней, утверждена была на огромном камне, обработанном лишь с двух сторон (сверху и со стороны дна, над которым возвышалось дюймов на 8). Северная и южная, обе (из одного камня каждая) стояли на днище и были ниже двух других. С запада одна большая плита, прислоненная к днищу, с выгибом, едва намеченным в верхней части с внутренней стороны. Необходим для прикрепления крышки. <...> На дне, состоявшем из одного цельного камня, раздавленного проросшим корнем дуба пополам, найдено было пять камней и 4 косточки. Камни: 1) кварцевый порфир; 2) то же; 3) дикарь; 4) кварцевый порфир; 5) известняк с кальцитом»²². К.Н. Любарский проявляет компетентность не только археолога, но и геолога, открывая путь к историческим выводам: «3 и 5 принесены сюда издалека, а 1, 2, 4 принадлежат к породе, в большом количестве находящейся на Индюке»²³.

Хотя российские археологи использовали передовые по тем временам приемы фиксации памятников – фотографии, чертежи, планы, разрезы, – остается только сожалеть, что нет ни одного изображения из заполнения ящика, где встречено «большое количество мелких камешков, носящих явные следы искусственной их обивки. Однообразные их формы бросались в глаза»²⁴.

К.Н. Любарский приводит план, разрезы и обмеры, правда, шагами, крепости на г. Мамай. Опять звучит в его словах боль за утрачиваемые памятники: «Развалины сильно заросли, мало сохранили неразрушенной кладки, но, думаю, и до сих пор при раскопке, никогда в них не производившейся,

18 Любарский К.Н. Кавказская поездка летом 1915 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

19 По дороге к вершине. Биография К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1 Л. 22.

20 Любарский К.Н. Кавказская поездка летом 1915 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

21 По дороге к вершине. Биография К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп.1. Д. 1. Л. 23.

22 Любарский К.Н. Кавказская поездка летом 1915 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д.2. Л. 59-60.

23 Там же. Л. 61.

24 Там же. Л. 61.

дали бы значительный материал. Пришлось слышать, что лет 15-18 тому назад при поездках пикником на Мамайку, всегда возвращались с черепками от сосудов, монетами и металлическими вещами»²⁵.

Окончание части 1 его дневника и практически вся часть 2 посвящены раскопкам христианского храма на р. Хоста. В своем письме родным К.Н. Любарский тепло отзывается о людях, сохраняющих древние памятники. Его знакомый «инженер рекомендует себя не разрушителем, а охранителем старины. По его рассказам, в одном месте, где оказались развалины 3-хабсидного с 4-мя столбами храма, который они должны были закрыть насыпью, они сделали мост. В другом месте обошли развалины крепости. <...> Инженеры действительно оказались необычайно культурные и, чтобы сохранить древний храм сделали над ним мост в 10 саженой. Он как раз приходится по линии строящейся черноморской дороги. <...> Храм этот никогда никем еще не был зарегистрирован, и нашли его мы первые. Рабочих нам дали, и мы копали»²⁶.

Дневник К.Н. Любарского содержит подробное описание раскопок внутри стен храма, производившихся по частям. В ходе исследований на площади, занимаемой храмом, было обнаружено 12 погребений на разном уровне. Каждое подробно описано, но фотографии и чертежи отсутствуют. Дан сводный схематический план расположения всех погребений на территории храма. Описание культурного слоя проведено довольно тщательно: «Можно предположить, что свод был возведен из плинфы, среди которой местами попадались каменные плитки. Слой извести был почти такой же толщины, как и сами плинфы, а иногда и толще их»²⁷. Приведем одно из описаний погребений на территории храма: «Между двумя правыми столбами очень мелко, нашел погребение без гроба. Головой на запад. У таза, с левой стороны раковина. Такая же, как и в гробу, найденном 27 июля, около южной двери. Левая рука на груди, правая вытянута вдоль туловища. На правой руке, у запястья, найдены два кольца (медные) разной величины, лежавшие около кости. На поясе была железная пряжка. У головы, у правого виска, находился стакан, днищем вверх, устьем к плечу. В нем, когда он был только что вынут из земли, на внутренних стенках замечены были желтоватые следы какой-то жидкости. Стакан из очень тонкого стекла, с молочными разводами и отделан вертикальными филенками. По краю синий рубчик. В ногах стояком была небольшая плитка из дикаря»²⁸. Видимо, упомянутый здесь «стакан» представлял собой так называемую «слезницу», помещавшуюся в погребения по христианскому обряду, и, судя по краткому описанию, вероятно, образец византийского (сирийского) стекла. При всей тщательности раскопок и подробности описания, рисунков вещей и плана погребения не приведено.

При этом обращают на себя внимание попытки К.Н. Любарского проводить реконструкции и исторические интерпретации материала. Так, он делает графическую реконструкцию глиняной колонны с изображением процветшего креста, фиксирует разноуровневость погребений, отмечая: «Создавалось впечатление, что погребены они были после того, как свод обрушился, но раньше, чем началось разрушение стен. Найдены они были именно в том промежуточном темном слое, который указывает на разницу во времени»²⁹. На эрудицию археолога, о которой мы уже говорили, указывает отметка: «Обнаружилось совершенно неожиданно для меня, что снаружи алтарная абсида имеет правильные грани. Это уже что-то грузинское»³⁰.

Если погода не позволяла заниматься раскопками, археологи проводили разведки. К.Н. Любарский пишет об одной из них: «В 4-х верстах от Хости, по переселенческому, так называемому французскому, шоссе, на противоположном обрыве реки, в чаще густого леса, едва доступные, затаились развалины стен и башен. Первое, что бросилось мне в глаза, это сравнительно большая их сохранность. Действительно, плато, поросшее лесом, стены и башни сохранились в высоту 7-10 аршин. Всесокрушающее время гораздо больше хранит, чем люди. Кладка (на извести) из хорошего известняка, добытого частью на месте, частью в соседних горах, имеет другой характер, чем в исследуемом нами храме. Очень трудно было определить как следует направление стен и начертить мало-мальски правильный план их и всей местности в лесу, где не видно за 5 шагов. Все же предлагаю чертеж, дающий некоторое представление о местности, и составленный мною»³¹. Ученый приводит план поворота р. Хоста.

25 Там же. Л. 73.

26 По дороге к вершине. Биография К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

27 Любарский К.Н. Кавказская поездка летом 1915 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 91.

28 Там же. Д. 2. Л. 92.

29 Там же. Д. 3. Л. 5.

30 Там же. Д. 3. Л. 7.

31 Там же. Л. 7.

Крепость расположена на мысу. Начерчены поперечный и продольный разрезы памятника. Судя по указанным местоположению, расстоянию, описанию, в приведенном пассаже, очевидно, речь идет об известной Хостинской крепости (о ней см.: [17, с. 88–90]).

Доведя раскопки храма у р. Хоста до уровня пола, К.Н. Любарский фиксирует «гробницы, расположенные от северной двери к южной сплошным рядом. Длина 6 футов. Ширина 1 фут 6 дюймов. Глубина 1 фут 5 дюймов. По очистке гробницы на стенах ее были найдены следы росписи. <...> В восточной части замечены были следы креста, формой похожего на георгиевский, того же цвета (красного. – прим. авт.). В прочем за это последнее не ручаюсь, хотя предлагаю точные размеры, снятые мною немедленно по обнаружении, пока стены не высохли»³², что рисует нам археолога как внимательного полевого исследователя. Он отмечает: «Пятигранность главного алтаря, замеченная еще 5 августа, находит себе аналогии, по справкам С.О., в привезенных нами с собою книгах»³³. Ученый делает ценное наблюдение: «Любопытно, что углы граней выложены туфом зеленоватым, находимым в верстах 7 отсюда». К.Н. Любарский осознавал необходимость изменения методики раскопок, существовавшей в начале XX в.: «Необходимо произвести специальное исследование алтаря и некоторых гробниц, как внутри, так и давно намеченных снаружи. Кажется, что способ погребения устанавливается, но трудно поручиться, что каждая еще не раскопанная могила не даст никакого нового материала. Думаю, подобные раскопки необходимо делать до дна»³⁴.

По завершении раскопок археологи позаботились о сохранности памятника. Искренней заботой о нем звучат слова К.Н. Любарского: «Хочется надеяться, что люди, по нашем отъезде, не слишком изуродуют то, что мы с такими стараниями приводили в порядок. Твердой уверенности в этом у меня, по правде говоря, нет совершенно. Мне пришло в голову, что одним из способов гарантировать хотя бы некоторую чистоту и ненарушимость храма мог бы крест (металлический, конечно), самый простой, но прочный. Я попросил инженера Погореку и он обещал мне, что закажет его у главного подрядчика Мергелова ...Это, я знаю, он исполнил, но вот заставит ли он поставить его на месте, в середине алтаря, как было решено, я не знаю»³⁵. Мысль поставить металлический крест на месте раскопанного алтаря представляется наивной и не соответствующей современным методикам исследований, но обращает на себя внимание искреннее желание археолога сохранить в целостности открытый им памятник. Откровенная нежность к древнему объекту и гордость своим трудом звучит в письме К.Н. Любарского родным: «Храм близ Хосты мы отделали. Из груды мусора, заросшего травой и грабом в 3 обхвата толщиной, среди которых стояла скамеечка, где флиртовала молодежь, выросла стройная постройка, стены которой в юго-западном углу сохранились даже на 4 вершка с лишком. Невероятно начинаешь любить создание собственных рук или лучше своего «спасеныша», выведенного на свет божий. Если ценных в кладоискательском смысле находок мы не сделали, то во всяком случае везем ценный материал в чисто научном его значении»³⁶. Понимание научной ценности своего труда, отсутствие стремления к кладоискательству и дешевой славе говорит о высокой компетентности и чистом моральном облике исследователя.

По возвращении в Москву, 30 октября 1915 г. Московское Археологическое Общество заслушало доклад С.О. Долгова и К.Н. Любарского «Развалины древней церкви в Хосте», который сообщал и исторические выводы. «Небольшой Хостенский храм, представляющий собой почти квадрат, схож с Зеленчукским храмом и Храмом на Безыби, возникновение которых гр. П.С. Уварова относит к X–XI в. Как вне, так особенно внутри храма много погребений, но небогатых. Найденные вещи (несколько сосудов, несколько шпаг, стеклянный стаканчик, по-видимому, гәнуезского происхождения) сданы в Румянцевский музей»³⁷.

Судя по местоположению и описанию памятника, его планировке, архитектурным особенностям (три апсиды, три нефа, четыре столпа, пятигранность алтарной апсиды и др.), К.Н. Любарский обследовал крестово-купольный храм, который спустя два года исследовала А.П. Лебедевская и датированный ныне X в. [18, с. 415–417; 19, с. 13–20]. По всей видимости, именно названный доклад побудил А.П. Лебедевскую провести экспедицию по более тщательному исследованию этого архитектурного памятника в мае 1917 г.

32 Там же. Л. 25–26.

33 Там же. Л. 30.

34 Там же. Л. 31.

35 Там же. Л. 31.

36 По дороге к вершине. Биография К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

37 Протоколы заседаний Московского Археологического Общества. 1914–1916гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 66.

Выводы

Таким образом, К.Н. Любарский и С.О. Долгов провели ценное научное исследование, хотя, разумеется, в рамках тогдашней методики полевой фиксации. И, хотя, как указано выше, дневник их поездки нельзя назвать в полной мере полевым археологическим дневником в современном смысле, нам, исследователям XXI века, близки слова, записанные российским археологом более ста лет назад: «... и нужно полюбить Кавказ, его горы, его дикие леса, природных его жителей, настоящих людей, людей не от машинного станка пришедших, а от природы рожденных; людей, в которых есть и от зверя, и от духа. Полюбить его старые, забытые развалины, спрятанные в делях, и тогда можно услышать голос, может быть в ручье, может быть, в ветре или в шелесте леса. И голос этот станет рассказывать вам такую сказку, где будет только одна быль, но быль фантастичнее и прекраснее всякого вымысла. Старые стены тоже расскажут, что знают ... если полюбить их и приласкать мыслью. Тогда они просыпаются и шепчут»³⁸.

Вводимые в научный оборот архивные документы рассказывают нам о внимании государственных учреждений к археологическим памятникам даже в тяжелые военные годы, стремлении обеспечить всестороннее содействие властей работам исследователей. Документы представляют личность автора дневника К.Н. Любарского как внимательного полевого исследователя, компетентного не только в археологии, но и в геологии, не жалевшего сил и здоровья на раскопки и разведки. Им использованы передовые для того времени методики – фотофиксация, картографирование, создание архитектурных планов и разрезов памятников, графические реконструкции. И, хотя несовершенство полевой методики того времени заставляет сожалеть об отсутствии чертежей и зарисовок погребений и находок, анализа остеологического материала, вклад исследователя в археологию Кавказа нам представляется неоспоримым. Важным является теперь установленный факт, что К.Н. Любарский и С.О. Долгов были первыми исследователями Хостинского храма X в.

К.Н. Любарский делал все возможное для сохранения и музеефикации найденных памятников, высоко ценил усилия местных инженеров по их охране и с болью писал о разгуле кладоискательства. В дальнейшем, когда он окажется в Архангельске, эти его качества борца и исследователя проявятся в полной мере.

Можно поспорить с автором биографии археолога. Такие труженики и романтики науки, как К.Н. Любарский, необходимы Родине. Пусть даже открываем мы для себя его личность и результаты его работ более, чем через столетие после трагической гибели ученого.

38 По дороге к вершине. Биография К.Н. Любарского // ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 128 с.
2. *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. – 240 с.
3. *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М.: Московский рабочий, 1984. – 239 с.
4. *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М.: Знак, 2004. – 315 с.
5. *Формозов А.А.* Историография русской археологии на рубеже XX-XXI веков: (обзор книг, вышедших в 1997-2003 гг.). Курск: Издательство КГУ, 2004. – 67 с.
6. *Формозов А.А.* Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Изд. А. Кошелев, 2007. – 183 с.
7. *Формозов А.А.* Рассказы об учёных. М.: Флинта, 2011. – 122 с.

REFERENCE

1. *Formozov AA.* *Essays on the history of Russian archaeology.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. (In Russ)
2. *Formozov AA.* *Pages of the history of Russian archaeology.* Moscow: Nauka, 1986. (In Russ)
3. *Formozov AA.* *The historian of Moscow I.E. Zabelin.* Moscow: Moskovskiy Rabochiy, 1984. (In Russ)
4. *Formozov A.A.* *Russian archaeologists in the period of totalitarianism: historiographical essays.* Moscow: Znak, 2004. (In Russ)
5. *Formozov A.A.* *Historiography of Russian archaeology at the turn of the XX-XXI centuries: (review of books published in 1997-2003).* Kursk: KSU Publ., 2004. (In Russ)
6. *Formozov A.A.* *Researchers of the antiquities of Moscow and the Moscow region.* Moscow: Manuscript Monuments of Ancient Rus, ed. A. Koshelev, 2007. (In Russ)
7. *Formozov AA.* *Stories about scholars.* Moscow: Flinta, 2011. (In Russ)

8. Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т.1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 704 с.
9. Клейн Л.С. История археологической мысли. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2011–2014. В 2-х тт.
10. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России: (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. – 674 с.
11. Мироненко М.П. Судьба русского археолога на переломе эпох // Традиционные и инновационные методы изучения социальной истории России XII–XX веков: сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. М.: Новый хронограф, 2021. С. 185–193. DOI 10.31168/94881-516-9.15
12. Дойков Ю.В. История на Голгофе: Краеведы севера и их судьбы // Смирнов В.И. Город Архангельск в начале 30-х годов XX столетия. Архангельск: [Б.и.], 2012. С. 13–14.
13. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / под ред. и с предисл. гр. П.С. Уваровой. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1888–1916. Выпуски 1–14.
14. Уварова П.С. Кавказ: путевые заметки. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1887. – 326 с
15. Martel É.A. La Côte d'Azur russe (Riviera du Caucase) voyage en Russie méridionale, au Caucase occidental et en Transcaucasie (Mission du gouvernement russe, 1903). Paris: Delagrave, 1909. – 423 p.
16. Пиотровский Ю.Ю. Дольмен и человек в современном мире // Дольмены: современники древних цивилизаций. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 2001. С. 8–10.
17. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1979. – 128 с.
18. Виноградов А.Ю., Каштанов Д.В., Казачков Ю.А. Крестово-купольный храм в Хосте – забытый памятник «абхазской школы» X века // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. С. 415–417.
19. Виноградов А.Ю. Неизвестный крестово-купольный храм X века в Хосте (Краснодарский край) // Архитектурное наследие. Вып. 72. 2020. С. 13–20.
8. Klejn L.S. *History of Russian archaeology: teachings, schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time.* Saint-Petersburg: EVRAZIA, 2014. (In Russ)
9. Klejn L.S. *History of archaeological thought.* St. Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 2011–2014. (In Russ)
10. Tunkina IV. *Russian science of classical antiquities of the South of Russia: (XVIII – mid-XIX century).* Saint-Petersburg: Nauka, 2002. (In Russ)
11. Mironenko MP. The fate of a Russian archaeologist at the turning point of epochs. *Traditional and innovative methods of studying the social history of Russia in the XII–XX centuries: collection of articles in honor of Elena Nikolaevna Shveikovskaya.* Moscow: Novy Khronograf, 2021: 185–193. DOI 10.31168/94881-516-9.15
12. Doikov YuV. History on Golgotha: local historians of the North and their fates. *Smirnov V.I. The city of Arkhangelsk in the early 30s of the XX century.* Arkhangelsk: [N.p.], 2012.: 13–14. (In Russ)
13. *Materials on the archaeology of the Caucasus, collected by the expeditions of the Moscow Archaeological Society, ed. and with a preface by Countess P.S. Uvarova.* Moscow: Typography of A. I. Mamontov and Co., 1888–1916. (In Russ)
14. Uvarova PS. *The Caucasus: travel notes.* Moscow: Typography of A. I. Mamontov and Co., 1887.
15. Martel É.A. *La Côte d'Azur russe (Riviera du Caucase) voyage en Russie méridionale, au Caucase occidental et en Transcaucasie (Mission du gouvernement russe, 1903).* Paris: Delagrave, 1909.
16. Piotrovsky YuYu. Dolmen and man in the modern world. *Dolmens: contemporaries of ancient civilizations.* Krasnodar: Krasnodar Book Publ., 2001: 8–10. (In Russ)
17. Voronov YuN. *Antiquities of Sochi and its surroundings.* Krasnodar: Krasnodar Book Publ., 1979. (In Russ)
18. Vinogradov AYu., Kashtanov DV., Kazachkov YuA. The cross-domed church in Khosta – a forgotten monument of the "Abkhazian school" of the 10th century. *Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. XXX "Krupnov readings" on the archaeology of the North Caucasus. Materials of the International Scientific Conference.* Karachaevesk, April 22–29. 2018: 415–417. (In Russ)
19. Vinogradov AYu. Unknown cross-domed church of the 10th century in Khosta (Krasnodar Territory). *Architectural Heritage.* 2020; 72: 13–20. (In Russ)

Поступила в редакцию 26.02.2025

Принята в печать 17.03.2025

Опубликована 15.03.2026

Recieved 26.02.2025

Accepted 117.03.2025

Published 15.03.2026